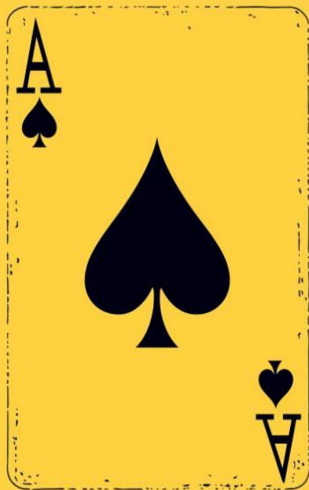

Александр Восьмой

Книга 3. «Фаргус и Лес, Который Считает»

18+

Александр Восьмой

Книга 3. «Фаргус и Лес, Который Считает»

<https://litres.ru/74426202>

SelfPub; 2026

Аннотация

Разлом забирает Фаргуса первым. В Лесу Отражений деревья не дают тени — они забирают её. И каждый, кто потерял тень, начинает забывать, кто он. Фаргус идёт через лес, где твари из детского кошмара играют в прятки по-взрослому: найдут — и ты станешь одним из них. Но Фаргус не боится. Он боится другого: что помнит то, чего не должен. Что он уже был здесь. Что деревья знают его настоящее имя — то, которое он сам забыл. Оптима, Прима и Даффи идут за ним, оставляя Окси и Сиринити охранять лавку. Когда они находят Фаргуса, он сидит у дерева и улыбается. Но тени у него нет. И глаза — чужие.

Александр Восьмой

Книга 3. «Фаргус и Лес, Который Считает»

Глава 1. Трещина в понедельник

Утро в Городе-Устье цеплялось за обыденность, будто бо-
ялось признаться, что сегодня всё пойдёт не так. Туман сте-
лился по мостовой, липкий и тяжёлый, как застывший страх.
Оптима привычно щёлкнул замком лавки — металл звяк-
нул, но звук будто провалился в пустоту, не успев разлететь-
ся по улице. Фаргус, как всегда, ворчал про цену соли, раз-
махивая руками так, словно пытался отогнать не слова, а
саму реальность. Даффи, не отрываясь от булки, бормотал
что-то про «ещё одну, самую последнюю», и крошки сыпа-
лись на доски крыльца, словно мелкие осколки чего-то важ-
ного. Прима стояла у прилавка, теребя край плаща, и смот-
рела куда-то сквозь витрину — будто видела то, чего не бы-
ло. Окси и Сиринити замерли у задней двери, будто чувство-
вали: стоит только моргнуть — и мир сдвинется с места.

И он сдвинулся.

Воздух над крыльцом дрогнул — не как от ветра, а как от
прикосновения чего-то чуждого, острого, будто кто-то про-
вёл ногтем по стеклу, только стекло было не снаружи, а внут-
ри самого воздуха. Разлом не гремел. Он вздохнул — тихо,

влажно, глубоко, будто пробуждался древний зверь, который слишком долго спал.

Фаргус шагнул внутрь — не потому что хотел, а потому что нога уже не слушалась имени, которое он носил. Ещё мгновение он был здесь: ворчал, хмурился, был собой. А в следующее — просто исчез за невидимой чертой. Дверь не хлопала. Петли не скрипели. Просто Фаргус был — и Фаргуса не стало.

Тишина ударила громче крика.

Даффи замер с булкой в руке, и она вдруг показалась ему не просто невкусной — а чужой, словно её испекли не из муки, а из чьих-то забытых снов. Прима подняла глаза, и в них мелькнуло то самое знание, которое приходит до понимания: «Кто-то только что ушёл и не вернулся». Она ещё не знала, насколько была права. Не знала, что разлом не просто забрал Фаргуса — он забрал часть их всех.

Оптима рванулся к порогу, но невидимая стена остановила его, как ледяная ладонь на груди. Он не мог переступить. Не мог даже коснуться того места, где только что стоял друг. «Фаргус!» — крик застрял в горле, превратившись в хрип.

Окси шагнула вперёд, пальцы сжались в кулаки, взгляд стал острым, как лезвие: «Он не мог просто исчезнуть. Это не магия. Это... хуже». Сиринити тихо прошептала, буд-то боялась спугнуть тишину: «Лес Отражений. Тень уходит первой. Если он там — у него уже нет своей тени. А без тени человек забывает, кто он».

Прима вдруг выпрямилась, и в её голосе зазвенела сталь, которой раньше не было: «Мы идём за ним. Сейчас. Пока он ещё помнит, что он — это он». Даффи молча положил булку на прилавок, и этот тихий жест прозвучал как клятва.

Оптимист кивнул, и в его глазах мелькнула тень старой боли — боли человека, который уже терял тех, кого должен был защищать. «Окси, Сиринити, — прохрипел он, — останьтесь здесь. Держите лавку. Держите дверь. Если что-то пойдёт не так — не дайте этому выйти наружу».

Лес Отражений ждал. Деревья там не давали тени — они забирали её, высасывали, как воду из пересохшей земли. И каждый, кто терял тень, начинал забывать: сначала мелочи — как зовут лучшего друга, какой сегодня день. Потом — что такое дом. Потом — кто он сам.

Фаргус шёл по этому лесу, и твари из детских кошмаров играли с ним в прятки по-взрослому: найдут — и ты станешь одним из них. Но Фаргус не боялся их. Он боялся другого: что помнит то, чего не должен. Что он уже был здесь. Что деревья знают его настоящее имя — то, которое он сам забыл.

А где-то далеко, за гранью тумана, он сел у дерева и улыбнулся. Улыбка была знакомой, но в ней не осталось ничего от Фаргуса. Тени у него не было. А глаза... глаза были чужими.

Глава 2. Лес, который смотрит в ответ

За Разломом не было дороги. Был Лес Отражений — и он начинался сразу, без предупреждения, без пограничной по-

лосы травы. Деревья здесь стояли так тесно, что кроны сплетались в потолок, и свет проходил сквозь них, как через зубы. Но главное было не это. Тени падали неправильно. Не от предметов — внутрь их. Корни втягивали тьму из-под ног прохожего, как соломинка втягивает напиток. Лес не охотился. Лес обедал.

Оптима шагнул через Разлом первым — и сразу пожалел. Не потому что было страшно. А потому что тело помнило траву, а под ногами не было ничего. Тьма — плотная, тёплая, дышащая. И только через шаг она затвердела в землю, но земля эта пульсировала, как будто под ней кто-то спал.

— Не останавливайтесь, — сказала Прима. Голос у неё стал тоньше, острее, как игла. — Он начинает работать, когда вы замираете.

Даффи тяжело дышал за спиной. Втроём они шли гуськом, плечо к плечу, потому что Лес Отражений не прощал расстояний. Отойди на шаг в сторону — и деревья сомкнутся, будто тебя здесь не было.

— Фаргус! — крикнул Оптима. Звук не ушёл вперёд. Он вернулся — но не эхом, а шёпотом, и шёпот был не его. Чужие губы произнесли его имя так, как он сам его никогда не произносил. По спине прошла дрожь, не от холода — от узнавания. Лес знал его. Лес знал всех.

Деревья здесь были не деревья. Снаружи — кора, су-

чья, мох. Но если смотреть дольше секунды, кора начинала двигаться, как кожа, под которой текут реки червей. Сучья скрючивались в пальцы — и пальцы тянулись вниз, к теням. Каждое дерево держало чью-то тень, как рыбы в сетях. Тени были живые. Они шевелились, они тянулись к своим хозяевам — но корни держали крепко.

— Смотрите, — Даффи вдруг остановился и показал вниз. Там, где его ботинок касался земли, тень под ногой дрожала и истончалась — как мокрый лист, который рвут пополам медленно. — Это... моя?

— Была, — ответила Прима.

Фаргус шёл по лесу, и с каждым шагом забывал.

Сначала ушло имя отца. Потом — запах хлеба, который пекла мать. Потом — собственный голос: он попытался произнести своё имя вслух, и язык не нашёл нужного движения. Имя было пустым контейнером, из которого вынули содержимое.

Но кое-что осталось.

Он помнил, что уже был здесь.

Не воспоминание — хуже. Узнавание. Как когда возвращаешься в дом, который сгорел, и всё равно знаешь, где была дверь. Деревья здесь знали его настоящее имя — то, которое он носил до того, как стал Фаргусом. И они шептали его. Не вслух — внутрь. Прямо в рёбра. Прямо в тот костяной ящик,

где имя живёт, пока человек не умрёт.

Ветви раздвинулись — и из-за ствола вышло Нечто. Сначала Оптима подумал: ребёнок. Маленький, в длинной рубахе, босой. А потом увидел лицо. Лица не было. Вместо него — дыра, и в дыре — глаза. Много глаз. Они моргали не вместе, а по очереди, и каждый мигал в разном ритме, и ритм складывался в слово, которое нельзя прочитать, но можно услышать.

Нечто играло в прятки.

— Не двигайтесь, — выдохнула Прима. — Оно не видит глазами. Оно видит страхом. Если вы испугаетесь — оно вас найдёт. Найдут — и вы станете одним из них.

Даффи сжал кулаки так, что побелели костяшки. Оптима закрыл глаза. Тварь склонила голову, прислушиваясь, как слепая собака. Постояла. Повернулась. Ушла в ствол дерева, как в воду.

Они выдохнули.

Через час — или через вечность, в этом лесу не было разницы — они нашли его.

Фаргус сидел у дерева, прислонившись спиной к коре. Ноги вытянуты, руки на коленях, голова чуть запрокинута. Он улыбался. Улыбка была знакомой — но не его. Как маска, надетая на лицо, которое забыло свои черты.

— Фаргус! — Оптима бросился к нему, упал на колени,

схватил за плечи. — Фаргус, слышишь меня?

Тот повернул голову. Улыбка не дрогнула. Глаза открылись — и Оптима отпустил его, как обжигается. Глаза были чужими. Не цветом — глубиной. В них не было Фаргуса. В них был Лес.

— Я ждал вас, — сказал Фаргус. Но голос был не его. Голос был из дерева, из коры, из тьмы, которую корни втягивали из-под ног. — Я наконец-то вспомнил.

— Что вспомнил?

— Своё имя.

И тени у него не было.

Глава 3. Те, кто играют в прятки

Твари пришли на третьем часу. Они не вышли из-за деревьев — они были деревьями, пока не решили иначе.

Сначала это выглядело как дрожание воздуха. Кора на ближайшем стволе пошла рябью, как вода, в которую бросили камень. Потом ствол раскрылся — не сломался, не треснул, а разошёлся, как занавес, и оттуда шагнуло Нечто. Вытянутое, тонкое, с длинными руками, которые доставали до земли. Лица не было — было собрание черт, словно кто-то вырезал из чужих воспоминаний носы, рты, брови и наклеил их на гладкую кость. Черты не совпадали. Они жили каждая сама по себе: рот улыбался, брови хмурились, нос вздрагивал. Лицо было оркестром, где каждый инструмент играет свою мелодию.

Потом второе дерево раскрылось. И третье. И четвёртое. И они начали считать.

Голосов не существовало. Это было важнее всего. Звук шёл не изо ртов — из промежутков между деревьями, из пустот, из самого воздуха. Считали на языке, которого никто не знал, но каждый понимал. Цифры не звучали как цифры — они ощущались как вес. Десять — лёгкий ветер. Двадцать — давление в висках. Тридцать — холод в животе. Сорок — кто-то дышит вам в затылок.

— Не бегите, — сказала Прима. — Бегущий — уже найденный. Они видят движение, а не тела.

Фаргус прятался.

Не от страха — от привычки. Тело помнило то, чего разум ещё не успел забыть. Он присел за корень, вжался в землю, и руки сами нашли положение — ладони на земле, голова между колен, дыхание в кору. Правильная поза. Знакомая поза. Так прячутся те, кто делает это не впервые.

И это было страшнее тварей.

Он помнил, как этот лес выглядит внутри. Не снаружи — внутри. Он знал, что кора на четвёртом дереве слева шершавая, а на пятом — нет, и между ними щель, в которую можно втиснуться, если перестать дышать. Он знал, что корни под землёй растут кольцами, и если встать в центр кольца — счётчик собьётся, будто тебя нет. Он знал, что твари слепнут

на счёте «семьдесят три» — ровно на три удара сердца, и в этот миг можно перебежать.

Откуда он это знал?

— Шестьдесят, — прошептал Лес.

Оптимист стоял неподвижно, как столб. Даффи рядом — белый, как тесто, губы тряслись, но он не двигался. Каждый мускул в его большом теле был натянут, как струна, и эта струна звенела от напряжения, но не рвалась. Прима замерла с другой стороны, глаза закрыты, губы шевелятся — она считала в ответ, на своём языке, перебивая чужой счёт.

— Семьдесят, — Лес стал плотнее. Твари двинулись — медленно, плавно, как крабы по дну. Их длинные пальцы шарили по земле, по коре, по теням. Они искали.

— Семьдесят один.

Фаргус затаился в щели между четвёртым и пятым деревом. Кора царапала щёку. Он не дышал. И в этот момент — между «семьдесят один» и «семьдесят два» — он вспомнил.

Не имя. Не лицо. Он вспомнил руку. Маленькую детскую руку, которая тянула его сюда, в этот лес, много лет назад. Или мало. Или совсем недавно. Время в Лесу Отражений не текло — оно стояло, как вода в блюде, и в нём отражалось всё сразу.

Чья это была рука?

— Семьдесят три.

Твари слепли. Фаргус рванул из щели — три шага, четыре, пять — и вкатился в кольцо корней. Счётчик дрогнул, спо-

ткнулся, забуксовал. Его не было. Он не существовал. Деревья над ним сомкнулись, как пальцы в замок.

— Сто, — сказал Лес.

И не нашёл его.

Но твари не ушли. Они стояли кольцом, неподвижные, и их составные лица медленно перестраивались — черты менялись местами, как карты в колоде. Рт стало меньше. Глаз стало больше. Они ждали. Игра не кончалась на «сто» — «сто» означало только первый раунд. Дальше счёт пойдёт быстрее. А прятаться — труднее.

Оптима подполз к Приме.

— Сколько раундов?

— Не знаю, — она открыла глаза. В них не было страха. Была усталость, которая глубже страха. — Но я знаю одно: Фаргус не прячется так, как человек, который впервые. Он прячется так, как будто помнит каждый раунд.

— Он уже играл в это?

— Хуже. Он уже выигрывал.

Где-то в глубине леса, в кольце корней, Фаргус лежал, прижавшись спиной к земле, и смотрел вверх. Между стволами было видно небо — но оно было не небом. Оно было потолком. И на потолке — мутными, старыми, забытыми буквами — было написано имя. Его имя. Настоящее.

Он не мог его прочитать. Но буквы двигались. Они полз-

ли, как черви, и складывались в слово, которое он знал, но не мог произнести. И дерево над ним — то самое, четвёртое слева, с шершавой корой — тихо, почти ласково, прошептало:

— Мы тебя помним. Даже если ты забыл.

Фаргус закрыл глаза. И твари начали второй раунд.

Глава 4. Протокол ухода

Оптимист не стал ждать утра. Он закрыл лавку — не на замок, а на все семь задвижек, которые выковал ещё его отец, когда лес за ручьём начал шептать по ночам. Потом разложил на столе карту — старую, с краями, выеденными сыростью, — и ткнул пальцем в место, где карты не было. Не белое пятно, не разрыв — просто пустота, в которую чернила не впитались, как будто бумага отказалась помнить, что там находится.

— Он там, — сказал так, будто это было очевидно. И было. Потому что на карте не было ничего, а там, где ничего нет, Разлом чувствует себя как дома.

Прима собирала рюкзаки молча. Движения — точные, без лишних жестов, с лицом человека, который не спорит с неизбежным, а упаковывает её. Фляга. Сухари. Верёвка — не обычная, а серая, сплетённая из шерсти, которую не едят моль и не режет нож. Она знала, что берёт. Она знала, куда идут. И она не задала ни одного вопроса, потому что правильные вопросы в таких случаях — те, которые ты задаёшь

себе сам, и лучше, чтобы ответов не было.

Даффи встал в дверях. Рюкзак уже на плечах, ботинки зашнурованы, лицо — круглое, упрямое, красное от решимости, которая в нём всегда выглядела как аппетит.

— Я иду.

— Нет, — сказал Оптима. Не грубо. Тихо. Тем голосом, которым говорят вещи, которые не обсуждаются. — Кто-то должен остаться. Кто-то, кто помнит, как выглядит нормальный день, чтобы мы вернулись и узнали его.

Даффи не двинулся. Он стоял, и булка — последняя, которую он не доел утром, когда всё началось, — торчала из кармана, как белый флаг, который никто не принимал.

— Я не помню нормальных дней, — сказал он. — Я помню Фаргуса. Он всегда покупал мне булки, когда у меня не было денег. И никогда не говорил об этом. Так что я иду. И если ты скажешь нет ещё раз — я пойду следом, и ты потратишь время, которого у нас нет.

Оптима посмотрел на него. Потом на Приму. Прима пожала плечами — одним движением, коротким, как взмах ножа: он прав, и ты это знаешь.

— Ладно, — сказал Оптима. — Но идёшь за мной. Не рядом. Не впереди. За мной. И если я скажу «беги» — бежишь. Не думаешь, не споришь, не оглядываешься. Бежишь.

Окси и Сиринити остались у двери.

Окси — с молотком. Не плотницким. Старым, кованым, с рукоятью, обмотанной кожей, — таким, что один удар оставляет в доске след глубже, чем память. Она стояла, ноги на ширине плеч, и смотрела в улицу, как смотрят в прицел: не мигая, не дыша, не двигаясь.

Сиринити — с тишиной, которая была страшнее любого молотка. Она сидела на пороге, руки на коленях, глаза закрыты. Она слушала. Не ушами — тем, что глубже ушей. Тем, что живёт в костях, когда уши уже не справляются. Если Разлом двинется — если трещина поползёт дальше, если тень под лавкой начнёт тончать — Сиринити услышит первой. И тогда Окси поднимет молоток.

— Если мы не вернёмся к рассвету, — сказал Оптима, не оборачиваясь.

— Я знаю, — сказала Сиринити. И открыла глаза. В них не было страха. Не было надежды. Была та ровная, ледяная ясность, которая приходит к людям, которые уже хоронили кого-то и знают, что хоронить — это не конец, а начало длинной работы.

— Не хорони нас раньше времени, — сказал Оптима.

— Я не хороню. Я жду, — ответила она. — Но если надо будет — похороню как надо. С именами. С тенями.

Трое вышли из лавки. Улица была пустой — не как в воскресенье, а как после войны. Ставни закрыты, дым из труб

не шёл, собаки молчали. Город-Устье знал. Не понимал — знал, как тело знает о ране раньше, чем мозг чувствует боль.

Разлом был там, где его оставили, — над крыльцом, дрожащий, как марево. Но теперь он стал шире. Насколько — Оптима не хотел считать. Достаточно того, что в него проходило три человека. Если это можно было назвать проходом. Больше похоже на вдох. Разлом вдыхал их.

Оптима шагнул первым. За ним — Прима. За ней — Даффи, сжимая в кулаке булку, которая стала твёрдой, как камень, и тёплой, как рука.

Дверь за ними закрылась. Окси подняла молоток. Сиринити закрыла глаза.

И Город-Устье замолчал — окончательно, как замолкают те, кто знает, что следующее слово может быть последним.

Глава 5. Тропа без возврата

Тропа вела в себя. Не вперёд — в себя. Каждый шаг, который они делали, стирал шаг позади — не физически, а из памяти. Оптима заметил первым: он обернулся и не вспомнил, как выглядела дверь лавки. Дверь была. Он знал, что была. Но образ — пустой, как снятый с стены портрет, от которого остался только прямоугольник другого цвета.

— Прима, — сказал он. — Цвет скатерти на нашем столе. Какой он был?

Она не ответила сразу. Моргнула. Ещё раз. Потом тихо, с удивлением, которое было страшнее крика:

— Я не помню.

Даффи остановился. Сунул руку в карман, достал булку — ту самую, последнюю, твёрдую, как камень. Поднял к лицу. Понюхал. И ничего. Не запаха, не вкуса, не воспоминания о тесте, о масле, о тёплой корке, которая хрустит, когда сгибаешь её. Память о булке была пустым карманом, из которого вынули всё, включая ощущение, что в нём что-то было.

— Ирония, — сказал он. — Я забыл вкус последней булки. И это испугало меня больше, чем весь этот лес.

Лес не просто забирал тени. Он забирал якоря — то, за что память держится, когда мир становится чужим. Не лица, не имена — те держатся дольше всего. А мелочи. Запах дома. Скрип половицы. То, как утренний свет ложится на подоконник. Мелочи — это и есть человек. Без них имя — просто слово, а тело — просто форма, которая его произносит.

Тропа под ногами была — но не была. Она существовала, пока на неё смотрели. Оптима проверил: обернулся назад — тропы не было. Впереди — была. Он смотрел под ноги — была. Поднимал голову — исчезала. Тропа питалась вниманием, как огонь — кислородом. Стоило отвлечься — и она гасла.

— Не смотрите по сторонам, — сказала Прима. — Смотрите только вперёд. Тропа держится, пока мы идём. остано-

вимся — и нас не будет. Не в том смысле, что мы исчезнем. В том, что мы забудем, куда шли. А зачем идти, если не знаешь куда?

Они шли. Три силуэта в сером тумане, который был не туманом, а дыханием леса — ровным, глубоким, как будто кто-то огромный спал под землёй и выдыхал через поры.

Через час — или через вечность — Оптима заметил, что его тень стала короче. Не исчезла — укоротилась, как подстриженная. Будто кто-то отмерил ей длину и решил, что хватит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.